

УДК: 159.9.072

ОПРОСНИК “ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ”: ВАЛИДИЗАЦИЯ НА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКЕ¹

© 2018 г. А. А. Адамян^{1*}, С. К. Нартова-Бочавер^{1**}, М. Шмитт^{2***}

¹Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.20, Россия.

²Университет Кобленц-Ландау; 56070, Кобленц, Универзитетсштрассе, д. 1, Германия.

*Аспирант. E-mail: anna.a.adamyan@yandex.ru

** Доктор психологических наук, профессор. E-mail: s-nartova@yandex.ru

*** PhD по психологии, профессор. E-mail: schmittm@uni-landau.de

Поступила 08.08.2017

Аннотация. Осуществлена валидизация немецкого опросника “Чувствительность к справедливости” на российской популяции ($N = 1002$, $M_{\text{возраст}} = 22.3$ года; $SD = 6.3$; 769 женщин). Чувствительность к справедливости — черта личности, отражающая индивидуальную восприимчивость к ситуациям несправедливости и характеризующаяся когнитивными, эмоциональными и поведенческими реакциями на несправедливость. Подтверждена факторная структура русской версии опросника, идентичная оригинальной и включающая четыре шкалы: чувствительность с позиций жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя норм справедливости. Показатель надежности шкал опросника альфа Кронбаха варьирует от 0.89 до 0.91. Обнаружены гендерные различия (у женщин показатели чувствительности выше) и возрастной тренд (по мере взросления чувствительность жертвы и свидетеля снижается, а нарушителя растет). Проверка дискриминантной валидности с помощью соотнесения с опросниками Маркеры факторов Большой пятерки, Вера в справедливый мир, Базовые убеждения и конвергентной валидности — с опросником Модель моральных мотиваций продемонстрировала хорошую пригодность опросника.

Ключевые слова: чувствительность к справедливости, валидность, надежность, вера в справедливый мир, базовые убеждения, моральные мотивы.

DOI: 10.31857/S020595920000075-8

Понятие “чувствительность к справедливости” (ЧС, *Gerechtigkeitssensibilität, Justice sensitivity*) было предложено германским психологом М. Шмиттом для акцентирования устойчивых индивидуальных особенностей в отношении к справедливости, которые бы отличались от ситуативно действующих мотивов, равно как от переживаний или поступков [32]. За годы развития концепции центральный термин менял свое название (первоначально называясь чувствительностью к произошедшей несправедливости, *sensitivity to befallen injustice*), структуру и содержание [27]. В настоящее время ЧС понимается как черта личности (диспозиция), которая заключает в себе устойчивые индивидуальные различия в готовности воспринимать случаи несправедливости и в силе когнитивных, эмоциональных и поведенческих

реакций на несправедливость [10; 11]. ЧС включает в себя четыре компонента: а) частоту переживаемой несправедливости, б) интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость, в) устойчивость мыслей о несправедливых событиях, г) мотивацию к восстановлению справедливости [29]. Первоначально эти компоненты были идентифицированы только применительно к позиции жертвы несправедливости. Однако фокус внимания последующих исследований переместился также и на позиции (“рекурсы”, аспекты, перспективы) других участников взаимодействия — нарушителя справедливости и свидетеля [28]. Еще позже было отмечено, что чело век может оказаться незаслуженно одаренным какими-то ресурсами или привилегиями

¹ Исследование частично поддержано Российским научным фондом (Нартова-Бочавер С.К., проект №14-18-02163).

ми, которые по праву должны принадлежать другому. Эта позиция была названа бенефициаром.

Чувствительность из четырех выделенных исследователями позиций: жертвы ($ЧС_{жертв}$), нарушителя ($ЧС_{наруш}$), свидетеля ($ЧС_{свид}$) и бенефициара ($ЧС_{бенеф}$) — феноменологически не однакова, за ними стоят разные переживания, представления и намерения. Так, переживание себя жертвой чаще всего влечет чувство гнева; опыт свидетеля несправедливости по отношению к другим может приводить к моральному возмущению, а роль бенефициара или нарушителя норм справедливости — вызывать чувства вины и стыда [6; 32].

Диагностика ЧС осуществляется при помощи одноименного опросника “Чувствительность к справедливости”, первоначально описанного в 2005 году, измененного в 2010 году [28; 29] и в настоящее время используемого на английском, армянском [33], китайском [33], немецком и русском языках [1; 2; 5]. Опросник включает 40 пунктов и четыре шкалы, по десять пунктов для каждой из позиций внутри ситуации нарушения несправедливости, причем утверждения с одинаковыми номерами имеют практически одну и ту же формулировку, различающуюся лишь спецификой позиции. Например, если пункт шкалы $ЧС_{жертв}$ сформулирован: “Мне тяжело, когда меня ругают за то, что легко сходит с рук другим”, то аналогичный пункт шкалы $ЧС_{свид}$ звучит как: “Мне тяжело наблюдать, когда кого-то ругают за то, что легко сходит с рук другим”. Респондентов просят обратиться к своему опыту столкновения с ситуациями несправедливости и оценить, насколько их реакции на эти ситуации соответствуют реакциям, описанным в пунктах опросника, по шестибалльной шкале Лайкера от 0 (“совершенно не так”) до 5 (“полностью согласен”).

Было обнаружено, что показатели четырех шкал сильно положительно коррелируют, демонстрируя обоснованность центрального конструкта [27]. Так, общими для позиции нарушителя и бенефициара являются факт извлечения выгоды из свершившейся несправедливости, чувство вины, стремление наказать себя и компенсировать жертве результат несправедливого события. Позиция свидетеля характеризуется только двумя общими с нарушителем и бенефициаром переживаниями: желанием наказать того, кто извлек выгоду, и компенсировать жертве ее потери. Наименее сильные (однако тоже положительные) корреляции были получены между $ЧС_{жертв}$, с одной стороны, и $ЧС_{наруш}$ и $ЧС_{бенеф}$, с другой. В то же время отмечается, что психологические функции видов ЧС различны: так, если $ЧС_{жертв}$ выполняет задачу защиты справедливости в интересах самого субъекта, то $ЧС_{наруш}$, $ЧС_{бенеф}$ и $ЧС_{свид}$ обладают просо-

циальным смыслом, утверждая подлинную справедливость и защищая нарушенные права других людей. Сравнение средних показателей в Германии показало, что наиболее высоки значения $ЧС_{наруш}$ и $ЧС_{жертв}$, затем следует показатель $ЧС_{свид}$ и наименьшим было значение $ЧС_{бенеф}$.

Предыдущие исследования показали, что чувствительность к справедливости связана с социodemографическими характеристиками. Так, на германской выборке обнаружено, что у женщин чувствительность к справедливости значимо выше, чем у мужчин [27]. Обнаружена также и возрастная динамика: $ЧС_{жертв}$ монотонно снижалась по мере взросления человека, в то время как остальные виды чувствительности не изменялись. Однако в подростковом возрасте $ЧС_{наруш}$ и $ЧС_{бенеф}$ оказались значимо ниже, чем в других возрастных группах. Кроме того, в Восточной Германии чувствительность к справедливости оказалась выше, чем в Западной.

Содержание и смысл четырех позиций чувствительности к справедливости в структуре личности объясняет их связи с другими чертами. При проверке первоначальной версии опросника оказалось, что все виды чувствительности положительно связаны с нейротизмом, $ЧС_{жертв}$ отрицательно связана с уступчивостью, а $ЧС_{наруш}$ — положительно, $ЧС_{свид}$ положительно связана с открытостью опыта [30]. Позже было показано, что $ЧС_{жертв}$ отрицательно связана с одной из фасеток черты Уступчивость (*Agreeableness*) Большой пятерки и с чертой Честность (*Honesty*) модели HEXACO, в то время как остальные три позиции — положительно с обеими этими чертами [12; 29]. $ЧС_{жертв}$ также положительно сопряжена с нейротизмом, отсутствием межличностного доверия и в целом представляет собой знак того, что человек боится стать объектом эксплуатации со стороны других людей [17]. Таким образом, мироотношение людей с высокой $ЧС_{жертв}$ характеризуется подозрительностью, дефензивностью, ожиданием несправедливости, в то время как просоциальные виды чувствительности сопряжены с моральной мотивацией [8; 12; 31].

Поскольку чувствительность к справедливости представляет собой черту личности, активизирующую поведение, направленное на восстановление справедливости, неудивительно, что были получены связи с моральными действиями и мотивами. Так, $ЧС_{бенеф}$ предсказывает готовность протестовать против наблюдаемых случаев воровства [9] и солидарность с социально уязвимыми группами населения [18]. Множество исследований, проведенных в дизайне экономических игр, действительно показывают, что $ЧС_{свид}$ и $ЧС_{бенеф}$ способствуют восстановлению равенства [11].

Изучались также связи чувствительности к справедливости с верой в справедливый мир — мировоззренческой установкой, согласно которой мир устроен упорядоченно и каждый человек в нем получает то, что заслужил, и заслуживает то, что имеет [22]. На германской выборке получены слабозначимые корреляции (чувствительные к справедливости люди чаще сталкиваются со случаями несправедливости в своей жизни, и потому их вера в справедливый мир не укрепляется) [28].

Цель данной статьи — валидизация опросника “Чувствительность к справедливости” на российской выборке. Связи чувствительности к справедливости с чертами личности и конструктами, связанными с понятием справедливости, обнаруженные на германской выборке, обусловили выбор переменных для проверки конвергентной и дивергентной валидности.

ЭТАПЫ ВАЛИДИЗАЦИИ ОПРОСНИКА “ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ”

В исследовании факторной структуры опросника принимали участие 1002 человека ($M_{\text{возраст}} = 22.3$; $SD = 6.3$; 769 женщин). В исследовании содержательной валидности опросника приняли участие 268 человек (средний возраст = 21.1; $SD = 2.5$; 202 женщины), чьи результаты также вошли в обобщенную выборку. Шкалу веры в справедливый мир заполнили все респонденты, принявшие участие в первом исследовании (1002 человека). Выборку составили добровольцы, студенты разных московских университетов, получающие первое либо второе высшее образование.

На первом этапе исследования участники заполняли опросник “Чувствительность к справедливости” (*The Justice Sensitivity Inventory*), который был переведен авторами и двумя независимыми переводчиками с немецкого и параллельно с английского языков для поиска наиболее точных, адекватных русскому языку формулировок (см. Приложение 1). Один из авторов имеет диплом переводчика с немецкого, один из независимых переводчиков — дипломированный филолог. Формулировки обсуждались внутри коллектива авторов. Было подготовлено два черновика перевода, которые предлагались небольшим группам респондентов для предварительной оценки распределения значений пунктов и получения обратной связи относительно понятности утверждений. После обеих пилотажных серий формулировки редактировались.

Комплект методик составлялся в соответствии с ранее описанными данными о значимых связях шкал опросника Чувствительность к справедливости.

Для исследования дивергентной валидности использовались следующие методики. Опросник Маркеры факторов “Большой пятерки” Л. Голдберга (*Markers for the Big-Five Factor Structure Scale*) в адаптации Г.Г. Князева и др. состоит из 100 вопросов, образующих пять шкал: Экстраверсию, Уступчивость, Сознательность, Эмоциональную стабильность (черта, которая представляет собой обратный полюс нейротизма), Интеллект (аналог Открытости опыта) [3; 16].² Подобно Чувствительности к справедливости, опросник отражает представление субъекта о своей личности, однако без соотнесения с конструктом справедливости, в силу чего можно ожидать отсутствие связей, что будет свидетельствовать о дискриминантной валидности теста. Шкала Вера в справедливый мир (*Belief in a just world Scale*) содержит две субшкалы: Вери в справедливость мира вообще (ВСМ_{общ}) и Вери в справедливость мира по отношению к самому себе (ВСМ_{личн}); всего в опроснике 13 пунктов [15, 24]. Респонденты отмечают свои ответы с помощью шестибалльной шкалы Лайкерта. Представляя собой скорее мировоззренческую установку, чем черту, вера в справедливый мир также имеет дело с конструктом справедливости, но в иной манере: если чувствительный к справедливости человек полагается на себя как агента восстановления справедливости, то человек, верящий в справедливость, убежден в том, что правила заложены в самом мироздании, и в конечном счете справедливость восторжествует без особых усилий субъекта. Поэтому шкала также может быть использована для проверки дивергентной валидности. Шкала базисных убеждений (*the Basic World Assumptions Scale*) Р. Янофф-Бульман в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой [6; 21] представляет собой набор из пяти субшкал (каждая содержит от 7 до 9 пунктов). Шкала Доброжелательность окружающего мира направлена на диагностику убеждения относительно доброжелательности—враждебности окружающего мира, шкалы Справедливость и Убеждения о контроле отражают убеждение в справедливости окружающего мира, шкалы Образ Я и Удача соотносятся с убеждением относительно ценности и значимости собственного Я. Испытуемые отмечают степень своего согласия или несогласия с утверждениями по шестибалльной шкале Лайкерта. Перечисленные субшкалы отражают конструкты, демонстрирующие реальность восстановления справедливости без участия субъекта: факторы ее изначально-го сохранения (Доброжелательность окружающего мира, Справедливость, Убеждения о контроле, Удачу) и достаточную ценность личности субъек-

² В исследовании была использована версия опросника, содержащая 50 вопросов, любезно предоставленная авторами.

та для того, чтобы он получал то, что заслужил (Образ Я).

В качестве инструмента исследования конвергентной валидности использовался опросник Модель моральных мотиваций (*Moral Motives Model (MMM) scale*) Р. Янофф-Бульман [20; 25], включающая шесть субшкал, каждая из которых содержит по пять пунктов. Мотивы различаются содержанием (запрещающий либо предписывающий) и объектом, на который они направлены (на себя, на конкретных людей из окружения, на общество в целом). Субшкалы называются: Самоограничение, Усердие, Непричинение вреда, Помощь, Социальный порядок, Социальная справедливость. Поскольку чувствительность к справедливости представляет собой черту личности, побуждающую (за исключением ЧС_{жертв}) к активным просоциальным действиям, ожидается, что эти конструкты могут пересекаться, демонстрируя конвергентную валидность проверяемого теста.

Наши ожидания эксплицированы в следующих гипотезах.

1. Опросник Чувствительность к справедливости имеет четырехфакторную структуру и включает четыре аспекта: ЧС_{жертв}, ЧС_{свид}, ЧС_{бенеф}, ЧС_{наруш}.

2. ЧС_{жертв} отрицательно связана с уступчивостью и эмоциональной стабильностью; ЧС_{свид}, ЧС_{бенеф}, ЧС_{наруш} не связаны с чертами Большой пятерки.

3. Чувствительность к справедливости не связана с верой в справедливый мир.

4. Чувствительность к справедливости не связана с базисными убеждениями личности.

5. ЧС_{свид}, ЧС_{бенеф}, ЧС_{наруш} положительно связаны с моральными мотивами личности, а ЧС_{жертв} — отрицательно.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Психометрические характеристики. В сводном виде данные описательной статистики по каждой из шкал представлены в табл. 1. Усредненные значения показателей по шкалам лежат в диапазоне 24.49–29.86 (при максимуме в 40 баллов), наиболее высокие показатели отмечаются для ЧС с позиции нарушителя и ЧС с позиции жертвы, самый низкий — для ЧС с позиции бенефициара.

Таблица 1. Описательная статистика и надежность русскоязычной версии опросника ЧС

Шкала	Описательная статистика		Надежность-согласованность α Кронбаха
	<i>M</i>	<i>SD</i>	
ЧС _{жертв}	29.47	9.58	0.89
ЧС _{свид}	28.18	9.37	0.89
ЧС _{бенеф}	24.49	9.95	0.91
ЧС _{наруш}	29.86	10.30	0.91

при задании четырехфакторного решения (охват вариабельности первыми четырьмя компонентами составляет 53%) была получена структура, близкая по содержанию к модели, лежащей в основе конструирования опросника. Адекватность применения метода факторного анализа подкрепляется значениями коэффициентов Кайзера–Майера–Олькина (0.95) и значимостью коэффициента сферичности Бартлетта (25140 , $df = 780$, $p < 0.01$). В качестве критерия приемлемой величины факторной нагрузки было выбрано значение 0.32 [32]. Полученная факторная структура хорошо соотносится с результатами исследования с помощью ЭФА факторной структуры, проведенного М. Шмиттом и др. [27].

Входными данными для проведения конfirmаторного факторного анализа в данном исследовании, как и в оригинальном исследовании М. Шмитта и др. [27], выступали суммы пар значений шкал опросников (1+6, 2+7, 3+8, 4+9, 5+10) — парсельы. Для оценки согласованности теоретической модели и экспериментальных данных использовались показатели $RMSEA$ и CFI [14; 19; 23]. Изначальная модель конfirmаторного факторного анализа, которая предполагала только возможность ковариаций между факторами, не продемонстрировала удовлетворительного соответствия исходным данным ($RMSEA = 0.094$; $CFI = 0.924$).

На основе анализа индексов модификации в модель были введены ковариации ошибок для парселов, относящихся к разным шкалам ЧС, но обладающих одинаковыми индексами (как это было сделано в исследовании М. Шмитта и

др. [28]). Адекватность введения ковариации ошибок содержанию опросника связана со сходными формулировками пунктов с одинаковыми номерами. Полученная модель показала приемлемый уровень соответствия данным ($CFI = 0.94$ $RMSEA = 0.076$), мы ориентировались на пороговое значение $RMSEA = 0.080$ [9; 14; 18] и значение $CFI = 0.90$ как границу приемлемого соответствия [13; 30].

Наличие корреляций между показателями различных измерений ЧС согласуется с теоретическим представлением о существовании общего конструкта ЧС, который по-разному преломляется в различных позициях (табл. 3). Высокий ($r = 0.77$, $p < 0.01$) показатель корреляции между измерениями нарушителя и бенефициара дал основания для проверки гипотезы о более высоком соответствии данным не четырехфакторной, а трехфакторной модели опросника. Однако проверка показала непригодность модели, предполагающей наличие трех факторов, даже в случае введения корреляций между ошибками для парселов с аналогичными порядковыми номерами ($RMSEA = 0.095$, $CFI = 0.915$), что является дополнительным косвенным подтверждением верности четырехфакторной модели.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что факторная структура и психометрические характеристики опросника “Чувствительность к справедливости” близки оригинальным.

Дивергентная валидность. Для определения места чувствительности к справедливости в общей структуре личности и проверки предположения о несвот-

Таблица 2. Средние значения показателей ЧС участников разного возраста

Шкала/демографические характеристики	Возраст			Пол	
	17–22 года	23–29 лет	30–45 лет	Мужчины	Женщины
ЧС _{жертв}	30.1	29.3	26.4	28.5	29.8
ЧС _{свид}	28.7	28.0	25.4	26.8	28.6
ЧС _{бенеф}	24.6	24.7	23.4	23.1	24.9
ЧС _{наруш}	29.4	30.9	31.7	27.5	30.6

Таблица 3. Интеркорреляции измерений ЧС

Шкала	ЧС _{жертв}	ЧС _{свид}	ЧС _{бенеф}	ЧС _{наруш}
ЧС _{жертв}	1.000			
ЧС _{свид}	0.534**	1.000		
ЧС _{бенеф}	0.191**	0.600**	1.000	
ЧС _{наруш}	0.166**	0.542**	0.765**	1.000

Примечание: ** — $p < 0.01$, * — $p < 0.05$.

димости ЧС к базовым чертам личности показатели ЧС соотносились с показателями Большой пятерки (см. Приложение 2). Отрицательные связи наблюдались для всех аспектов ЧС с эмоциональной стабильностью (для ЧС_{свид}, ЧС_{жертв} и ЧС_{наруш} $p < 0.05$, для ЧС_{бенеф} $p < 0.01$), и, вопреки ожиданиям, для ЧС_{свид}, ЧС_{бенеф} и ЧС_{наруш} — также и с показателями уступчивости ($p < 0.01$). На уровне статистической тенденции наблюдается также связь ЧС_{наруш} со шкалой сознательности.

Следующим шагом проверки дискриминантной валидности было изучение связи ЧС с верой в справедливый мир (см. Приложение 2). Были выявлены значимые ($p < 0.01$), хотя и невысокие, отрицательные связи между ЧС_{жертв} и ЧС_{свид}, с одной стороны, и верой в общую справедливость мира, а для ЧС_{жертв} также и с верой в личную справедливость.

Отрицательная связь между ЧС_{жертв} и представлениями о справедливости мира подтвердилась также при соотнесении результатов методики ЧС с показателями Шкалы базисных убеждений Янофф-Бульман: ЧС_{жертв} значимо отрицательно связана с показателем по шкалам Справедливости и Контроля ($p < 0.01$), которые автор оригинальной методики относит к убеждениям о справедливости мира, характеризующим представления индивида о своей способности влиять на справедливость (см. Приложение). Присутствует также и отрицательная связь ЧС_{жертв} с показателем шкалы удачи.

Конвергентная валидность. Для проверки конвергентной валидности использовалась Шкала моральных мотиваций. Обнаружены значимые положительные связи для ЧС_{свид}, ЧС_{бенеф}, ЧС_{наруш}: с мотивами помочь и непричинения вреда (оба направлены на других людей), с мотивом социальной справедливости (предписывающий мотив, направленный на общество в целом), а также с мотивом самоограничения (запрещающий мотив, направленный на самого субъекта). ЧС_{свид} также связана с мотивом социального порядка, для ЧС_{бенеф}, ЧС_{наруш} связь существует на уровне статистической тенденции (см. Приложение 2). ЧС_{бенеф} оказалась не связана с мотивом усердия, а ЧС_{жертв}, вопреки ожиданиям, положительно коррелировала с мотивами помочь ($p < 0.05$) и социального порядка ($p < 0.01$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В соответствии с ожиданиями, подтверждена четырехфакторная структура опросника, близкая оригинальной версии. Обнаружено, что композиция показателей четырех шкал соотносится с результатами, полученными авторами оригинального опросника; шкалы также высоко коррелируют между собой, подтверждая валидность конструкта “Чувствительность к справедливости”. Надежность-согласованность рус-

ской версии опросника высока. Можно констатировать, что гипотеза 1 подтверждена.

Получены демографические различия: в соответствии с результатами исследования М. Шмитта и др. [27], у женщин обнаружены значимо более высокие показатели по всем аспектам ЧС, чем у мужчин. Присутствует также и возрастной тренд, более нюансированный, чем в Германии: если там на выборке из 2510 участников в возрасте от 14 до 93 лет было обнаружено только снижение ЧС_{жертв} с возрастом, в России обнаружено также возрастное понижение ЧС_{свид} и повышение показателя ЧС_{наруш}. В целом эти тенденции говорят о том, что россияне с возрастом утрачивают склонность соотносить затраты/результаты, по-видимому, понимая иррациональность многих жизненных событий. Возможно, это также связано с усилением религиозности в России по мере взросления, в целом сочетаясь с усилением взвешенного гуманного отношения к миру, в силу чего усиливается просоциальный аспект (ЧС_{наруш}), связанный с чувством раскаяния за совершенные несправедливости, и становится слабее защитно-эгоистический (ЧС_{жертв}) [7].

Исследование дивергентной валидности посредством связи с чертами Большой пятерки показало, что все аспекты чувствительности к справедливости положительно связаны с эмоциональной стабильностью (ЧС_{бенеф} на уровне статистической тенденции, остальные аспекты на статистически значимом уровне); помимо этого оказалось, что ЧС_{свид}, ЧС_{бенеф} и ЧС_{наруш} также положительно связаны с уступчивостью. Эти данные согласуются с результатами М. Шмитта и др. [28], где наблюдалась значимая связь ЧС_{свид} с нейротизмом и ЧС_{наруш} с уступчивостью, однако российские данные лучше нюансированы. В целом данные подтверждают содержательное и функциональное различие видов чувствительности: все они сопряжены со снижением эмоциональной стабильности и в этом смысле не способствуют психологическому благополучию, но группа просоциальных видов чувствительности к справедливости в то же время положительно связана с благотворными чертами, способствующими моральному поведению. В то же время мы можем констатировать, что гипотеза 2 подтверждается лишь частично, убедительно демонстрируя дивергентную валидность ЧС только в отношении экстраверсии и интеллекта.

Связи ЧС и веры в справедливый мир также оказались не вполне ожидаемыми: ЧС_{жертв} и ЧС_{свид} образовали отрицательные связи, что говорит о взаимозависимости конструктов. Жертвы и свидетели несправедливости не верят в справедливость мира, что не удивительно, ведь их жизненный

опыт говорит именно о том, что мир — несправедливое место, и только люди могут это исправить. С другой стороны, те, кто верит, что мир справедлив, делегируют личную ответственность законам мироздания и потому ничего не предпринимают. Эта интересная связь усиlena по сравнению с данными германской популяции, но в целом согласуется с самим пафосом конструкта ЧС, введенного именно для того, чтобы показать, что нерациональная вера в справедливость, “базовая иллюзия”, как описывал ее М. Лернер, не обязательно способствует реальному поведению, направленному на изменение мира к лучшему: вера освобождает от личной ответственности за то, что произойдет само собой, в силу самой логики мироздания.

Интересно, что в двух исследованиях, проведенных в Германии, были получены разные результаты в отношении связей между конструктами веры в справедливый мир и ЧС. Так, в исследовании М. Шмитта и др. [28], в котором приняли участие 2484 испытуемых ($M_{возраст} = 47.6$, $SD = 15.8$), отмечались невысокие значимые положительные корреляции между показателями ЧС и общей верой в справедливый мир (r_s в диапазоне от 0.06 до 0.13) и умеренные значимые положительные корреляции между показателями ЧС и верой в несправедливый мир (r_s в диапазоне от 0.23 до 0.37). То есть взрослые респонденты, не верящие миру, склонны вмешиваться в ситуацию сами. При этом для отдельно рассмотренной выборки студентов, состоявшей из 668 человек, связи были близкими к нулю (в диапазоне от -0.04 до -0.02). В другом исследовании, также проведенном на студенческой выборке, где рассматривалась связь между показателями ЧС и ВСМ_{личн}, была обнаружена тенденция к связи между ЧС_{жертв} и ВСМ_{личн} ($r_s = -0.1$), что вполне согласуется с результатами, полученными на российской студенческой выборке, и низкая значимая положительная корреляция между ЧС_{наруш} и ВСМ_{личн} ($r_s = 0.15$) [11]. Таким образом, мы можем заключить, что гипотеза 3 также подтвердилась частично, демонстрируя дивергентную валидность проверяемого опросника только по отношению к ЧС_{бенеф} и ЧС_{наруш}, что может быть связано с возрастной спецификой исследуемой выборки.

Сопоставление ЧС и базовых убеждений личности также не позволило полностью развести эти конструкты: ЧС_{жертв} сочетается с неверием в справедливость и контролируемость мира, равно как и в удачу. Можно предположить, что между этими характеристиками существует взаимоусиливающая связь: представление о собственной уязвимости и слабости располагает к тому, чтобы гипертрофированно реагировать на ситуации неспра-

ведливости как представляющие потенциальную угрозу. В то же время большое количество таких ситуаций в фокусе внимания, в свою очередь, подкрепляет представления о своей уязвимости. Невысокая, но все же значимая отрицательная связь ЧС_{бенеф} с показателем доброжелательности мира может говорить об особой установке человека с низким уровнем веры в доброжелательность окружающих на то, чтобы рассматривать подарки судьбы как знаки несправедливости злого мира и спешить от них отказаться. Возможно, что позиция бенефициара и вообще содержит внутренний конфликт: ведь получение неожиданных выгод и привилегий логично сочетается с убежденностью в том, что мир — это “недобroе” место. Таким образом, при сопоставлении с базовыми убеждениями личности удалось констатировать дивергентную валидность опросника для ЧС_{свид} и ЧС_{наруш} и частично — для ЧС_{бенеф}, но не для ЧС_{жертв}, которая как феномен занимает особую позицию во внутриличностном пространстве.

Наконец, вполне ожидаемо обнаружено, что ЧС положительно связана с моральными мотивами, хотя сила этой связи варьирует. Действительно, ЧС_{свид} значимо связана с мотивом социального порядка, а ЧС_{бенеф} и ЧС_{наруш} — на уровне тенденции, все три аспекта значимо связаны с мотивами помощи, непричинения вреда и социальной справедливости. Для шкал ЧС_{свид} и ЧС_{наруш} на уровне тенденции обнаружены связи с мотивом усердия (направленность мотивации — на себя, тип — предписывающий). Контрастируя с гипотезой, ЧС_{жертв} также оказалась значимо связана с мотивом социального порядка (направленность — на общество в целом, тип мотивации — запрещающий) и на уровне тенденции — с мотивом помощи (направленность — на других людей, тип мотивации — предписывающий).

Полученные результаты согласуются с данными, показывающим, что ЧС_{жертв} меньше, чем другие измерения ЧС, связана с моральной мотивацией, готовностью человека участвовать в восстановлении справедливости [28]. В то же время сильные связи других измерений ЧС с моральными мотивами (в первую очередь — направленными на других людей) выступают в качестве доказательства конвергентной валидности опросника ЧС: ведь теоретический конструкт ЧС в качестве одного из своих аспектов включает мотивы восстановления справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследование, посвященное адаптации опросника Чувствительность к справедливости на российской выборке, продемонстрировало хоро-

шие психометрические характеристики теста и показатели, близкие исходной германской версии: сохранена факторная структура и отчетливо выделены четыре шкалы, получен такой же паттерн их показателей и те же гендерные различия. Возрастной тренд совпадает в отношении ЧС_{жертв} (ослабление по мере взросления), но, в отличие от оригинального опросника, отмечается также усиление с возрастом ЧС_{нарушителя}.

Проверка дискриминантной и конвергентной валидности подтвердила, что, несмотря на присутствие значимых связей различных аспектов ЧС с чертами Большой пятерки, верой в справедливый мир, базовыми убеждениями и моральными мотивами, ЧС занимает особое место среди конструктов этого ряда и описывает не просто содержание представлений или мотивов, актуализирующихся при столкновении с несправедливостью, а действительно меру восприимчивости к ситуациям несправедливости как устойчивую личностную характеристику.

Прикладные аспекты проведенного исследования состоят в возможности прогнозирования про-и антисоциальных установок и поведения человека, что позволяет предположить высокую востребованность инструмента в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамян А.А. Чувствительность к справедливости: некоторые характеристики русскоязычной версии опросника // Сборник тезисов XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных “Ломоносов-2017”. М.: Макс Пресс, 2017.
2. Адамян А.А. Ценность справедливости как один из жизненных смыслов современных студентов // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXI симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзера, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. М.: Психологический институт РАО, 2017.
3. Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой Пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 100–110.
4. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. “Униженность и оскорблённость” как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 13–26.
5. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–23.
6. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
7. Фурман Д.Е., Каариайнен К. Религиозность в России в 90-е годы ХХ–начале ХХI века. Москва: РАН, Институт Европы, Издательство ОГНИ ТД, 2006.
8. Ashton M.C., Lee K. The HEXACO-60: A short measure of the major dimensions of personality // Journal of personality assessment. 2009. V. 91. № 4. P. 340–345.
9. Baumert A., Halmberger A., Schmitt M. Interventions against norm violations: Dispositional determinants of self-reported and real moral courage // Personality and social psychology bulletin. 2013. V. 39. P. 1053–1068.
10. Baumert A., Rothmund T., Thomas N., Gollwitzer M., Schmitt M. Justice as a moral motive: belief in a just world and justice sensitivity as potential indicator of the justice motive // Handbook of moral motivation / Eds. Heinrichs K., Oser F., Lovat T. Rotterdam: Sense Publishers, 2013. P. 159–180.
11. Baumert A., Schmitt M. Justice Sensitivity // Handbook of social justice theory and research / Eds. C. Sabbagh & M. Schmitt. NY: Springer, 2016. P. 161–180.
12. Baumert A., Schlosser T., Schmitt M. Economic Games: A Performance-Based Assessment of Fairness and Altruism // European Journal of Psychological Assessment. 2014. V. 30. P. 178–192.
13. Bentler P.M. Comparative fit indexes in structural models // Psychological bulletin. 1990. V. 107. № 2. P. 238–246.
14. Browne M.W., Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit // Sage focus editions. 1993. V. 154. P. 136–136.
15. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. 1999. V. 12. № 2. P. 79–98.
16. Goldberg L.R. The development of markers for the Big-Five factor structure // Psychological assessment. 1992. V. 4. № 1. P. 26–42.
17. Gollwitzer M., Rothmund T., Pfeiffer A., Ensenbach C. Why and when justice sensitivity leads to pro-and antisocial behavior // Journal of Research in Personality. 2009. V. 43. № 6. P. 999–1005.
18. Gollwitzer M., Schmitt M., Schalke R., Maes J., Baer A. Asymmetrical effects of justice sensitivity perspectives on prosocial and antisocial behavior // Social Justice Research. 2005. V. 18. P. 183–201.
19. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural equation modeling: a multidisciplinary journal. 1999. V. 6. № 1. P. 1–55.
20. Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. V. 17. № 3. P. 219–236.
21. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // Social cognition. 1989. V. 7. № 2. P. 113–136.
22. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press, 1980.
23. Marsh H.W., Hau K.T., Wen Z. In search of golden rules: Comment on hypothesis-testing approaches to setting cutoff values for fit indexes and dangers in overgeneralizing Hu and Bentler's (1999) findings // Structural equation modeling. 2004. V. 11. № 3. P. 320–341.
24. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Ruprich C. Russian Adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and Psychometric Properties // Social Justice Research. 2018. V. 31. № 1. P. 61–84.
25. Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B. Friendly Home and Inhabitants' Morality: Mutual Relationships // Frontiers in Psychology. 2018. V. 8. P. 23–48.

26. Schmitt M. Individual differences in Sensitivity to Befallen Injustice (SBI) // Personality and Individual Differences. 1996. V. 21 P. 3–20.
27. Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J. The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // Social Justice Research. 2010. V. 23. P. 211–238.
28. Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // European Journal of Psychological Assessment. 2005. V. 21. P. 202–211.
29. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // Social Justice Research 1995. V. 8. P. 385–407.
30. Tabachnick B.G., Fidell L.S. Using Multivariate Statistics, 5th Edn. Boston, MA: Pearson, 2005
31. Thomas N., Baumert A., Schmitt M. Justice Sensitivity as a Risk and Protective Factor in Social Conflicts // Justice and Conflicts. 2012. P. 107–120.
32. Van den Bos K., Maas M., Waldring I., Semin G.P. Toward understanding the psychology of reactions to perceived fairness: The role of affect intensity // Social Justice Research. 2003. V. 6. P. 151–168.
33. Wu M.S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatrian N., Zhou C., Han B. Examining self-advantage in the suffering of others: cross-cultural differences in beneficiary and observer justice sensitivity among Chinese, Germans, and Russians // Social Justice Research (SORE). 2014. V. 27. № 2. P. 231–242.

THE “JUSTICE SENSITIVITY QUESTIONNAIRE”: VALIDATION IN A RUSSIAN SPEAKING SAMPLE³

A. A. Adamyan^{1*}, S. K. Nartova-Bochaver^{1}, M. Schmitt^{2***}**

¹Higher School of Economics National Research University; 101000, Moscow, Myasnitskaya St., 20, Russia.

²Koblenz-Landau Universität; 56070, Koblenz, Universitätsstrasse, 1, Germany.

* Post-graduate student. E-mail: anna.a.adamyan@yandex.ru

** Sc.D. (psychology), professor. E-mail: s-nartova@yandex.ru

*** PhD, Professor. E-mail: schmittm@uni-landau.de

Received 08.08.2017

Abstract. The German Justice Sensitivity Inventory was validated in a Russian sample ($N = 1002$, $M_{age} = 22.3$, $SD = 6.3$; 769 female). Justice sensitivity is a trait describing the extent to which a person is tolerant or sensitive to cases of injustice in everyday life and, as a result, is ready to act in order to restore justice. The four-factor structure of the Russian version of the inventory was confirmed, in line with the original version. The four scales were as follows: victim sensitivity, observer sensitivity, beneficiary sensitivity, and perpetrator sensitivity. Internal consistency reliability coefficients of scales ranged from 0.89 to 0.91. Gender differences were found: all justice sensitivity scores were higher in females. The age trend was also shown: the older respondents the higher perpetrator sensitivity and lower victim sensitivity and observer sensitivity. Discriminant validity was tested by means of Markers for the Big-Five Factor Structure, Basic World Assumptions, and Belief in a Just World scales. Convergent validity was examined by means of the Moral Motives Model scale. Validity of the Russian version of Justice Sensitivity Inventory was found satisfactory.

Keywords: justice sensitivity, validity, reliability, belief in a just world, basic world assumptions, moral motive

³ This paper is partially supported by Russian Science Foundation (Nartova-Bochaver S.K., project #14-18-02163).

REFERENCES

- Adamjan A.A. Chuvstvitel'nost' k spravedlivosti: nekotorye harakteristiki russkojazychnoj versii oprosnika // Sbornik tezisov XXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyyh uchjonyh "Lomonosov-2017". Moscow: Maks Press, 2017. (In Russian)
- Adamjan A.A. Cennost' spravedlivosti kak odin iz zhiznennyh smyslov sovremennoy studentov // Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme: Jelektronnyj sbornik materialov XXI simpoziuma / Eds. G.A. Vajzer, N.V. Kisel'nikova, T.A. Popova. Moscow: Psihologicheskij institut RAO, 2017. (In Russian)
- Knjazev G.G., Mitrofanova L.G., Bocharov V.A. Validizacija russkojazychnoj versii oprosnika L. Goldberga «Markery faktorov "Bol'shoj Pjaterki"» // Psikhologicheskii zhurnal. 2010. V. 31. № 5. P. 100–110. (In Russian)
- Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. "Unizhennost' i oskorblennost'" kak cherta lichnosti: fenomenologicheskij analiz pozicii zhertvy // Social'naja psichologija i obshhestvo. 2014. № 2. P. 13–26. (In Russian)
- Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. Psihologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoj personologii: teorii i jempiricheskie issledovaniya // Psikhologicheskii zhurnal. 2014. V. 35. № 1. P. 16–23. (In Russian)
- Padun M.A., Kotel'nikova A.V. Modifikacija metodiki issledovaniya bazisnyh ubezhdenij lichnosti R. Janoff-Bul'man // Psikhologicheskii zhurnal. 2008. V. 29. № 4. P. 98–106. (In Russian)
- Furman D.E., Kaariajnen K. Religioznost' v Rossii v 90-e gody XX–nachale XXI veka. Moscow: RAN, Institut Evropy, Izdatel'stvo OGNI TD, 2006. (In Russian)
- Ashton M.C., Lee K. The HEXACO-60: A short measure of the major dimensions of personality // Journal of personality assessment. 2009. V. 91. № 4. P. 340–345.
- Baumert A., Hamburger A., Schmitt M. Interventions against norm violations: Dispositional determinants of self-reported and real moral courage // Personality and social psychology bulletin. 2013. V. 39. P. 1053–1068.
- Baumert A., Rothmund T., Thomas N., Gollwitzer M., Schmitt M. Justice as a moral motive: belief in a just world and justice sensitivity as potential indicator of the justice motive // Handbook of moral motivation / Eds. Heinrichs K., Oser F., Lovat T. Rotterdam: Sense Publishers, 2013. P. 159–180.
- Baumert A., Schmitt M. Justice Sensitivity // Handbook of social justice theory and research / Eds. C. Sabbagh & M. Schmitt. NY: Springer, 2016. P. 161–180.
- Baumert A., Schluesser T., Schmitt M. Economic Games: A Performance-Based Assessment of Fairness and Altruism // European Journal of Psychological Assessment. 2014. V. 30. P. 178–192.
- Bentler P.M. Comparative fit indexes in structural models // Psychological bulletin. 1990. V. 107. № 2. P. 238–246.
- Browne M.W., Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit // Sage focus editions. 1993. V. 154. P. 136–136.
- Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. 1999. V. 12. № 2. P. 79–98.
- Goldberg L.R. The development of markers for the Big-Five factor structure // Psychological assessment. 1992. V. 4. № 1. P. 26–42.
- Gollwitzer M., Rothmund T., Pfeiffer A., Ensenbach C. Why and when justice sensitivity leads to pro-and antisocial behavior // Journal of Research in Personality. 2009. V. 43. № 6. P. 999–1005.
- Gollwitzer M., Schmitt M., Schalke R., Maes J., Baer A. Asymmetrical effects of justice sensitivity perspectives on prosocial and antisocial behavior // Social Justice Research. 2005. V. 18. P. 183–201.
- Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural equation modeling: a multidisciplinary journal. 1999. V. 6. № 1. P. 1–55.
- Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. V. 17. № 3. P. 219–236.
- Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // Social cognition. 1989. V. 7. № 2. P. 113–136.
- Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press, 1980.
- Marsh H.W., Hau K.T., Wen Z. In search of golden rules: Comment on hypothesis-testing approaches to setting cutoff values for fit indexes and dangers in overgeneralizing Hu and Bentler's (1999) findings // Structural equation modeling. 2004. V. 11. № 3. P. 320–341.
- Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Röhrich C. Russian Adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and Psychometric Properties // Social Justice Research. 2018. V. 31. Is. 1. P. 61–84.
- Nartova-Bochaver S.K., Kuznetsova V.B. Friendly Home and Inhabitants' Morality: Mutual Relationships // Frontiers in Psychology. 2018. V. 8. P. 23–48.
- Schmitt M. Individual differences in Sensitivity to Befallen Injustice (SBI) // Personality and Individual Differences. 1996. V. 21. P. 3–20.
- Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J. The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // Social Justice Research. 2010. V. 23. P. 211–238.
- Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // European Journal of Psychological Assessment. 2005. V. 21. P. 202–211.
- Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // Social Justice Research. 1995. V. 8. P. 385–407.
- Tabachnick B.G., Fidell L.S. Using Multivariate Statistics, 5th Edn. Boston, MA: Pearson, 2005
- Thomas N., Baumert A., Schmitt M. Justice Sensitivity as a Risk and Protective Factor in Social Conflicts // Justice and Conflicts. 2012. P. 107–120.
- Van den Bos K., Maas M., Waldring I., Semin G.P. Toward understanding the psychology of reactions to perceived fairness: The role of affect intensity // Social Justice Research. 2003. V. 6. P. 151–168.
- Wu M.S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatrian N., Zhou C., Han B. Examining self-advantage in the suffering of others: cross-cultural differences in beneficiary and observer justice sensitivity among Chinese, Germans, and Russians // Social Justice Research (SORE). 2014. V. 27. № 2. P. 231–242.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Бланк опросника “Чувствительность к справедливости”

Люди по-разному реагируют на несправедливость. А как это происходит с вами?

Для начала обратимся к ситуациям, когда **другие получают преимущества за ваш счет**

		совершенно не так	полностью согласен
1	Меня раздражает, если другим достается то, что должно быть моим.	0 1 2 3 4 5	
2	Я сердусь, если другие получают награду или признание, заработанные мной.	0 1 2 3 4 5	
3	Я не могу выносить спокойно, если другие наживаются за мой счет.	0 1 2 3 4 5	
4	Мне нужно много времени, чтобы забыть, что мне нужно было исправлять результаты чужой безответственности.	0 1 2 3 4 5	
5	Я плохо себя чувствую, когда у меня меньше возможностей развития, чем у других людей.	0 1 2 3 4 5	
6	Меня сердит, когда другим незаслуженно везет больше, чем мне.	0 1 2 3 4 5	
7	Мне неприятно, когда я должен в поте лица трудиться ради того, что легко достается другим.	0 1 2 3 4 5	
8	Я долго не могу отделаться от мысли, что к другим относятся лучше, чем ко мне.	0 1 2 3 4 5	
9	Мне тяжело, когда меня ругают за то, что легко сходит с рук другим.	0 1 2 3 4 5	
10	Меня сердит, когда со мной обращаются хуже, чем с другими.	0 1 2 3 4 5	

Теперь обратимся к ситуациям, когда **вы просто наблюдаете, что с кем-то другим обходятся несправедливо, ущемляют или используют его.**

		совершенно не так	полностью согласен
11	Меня раздражает, если другой получает что-то незаслуженно.	0 1 2 3 4 5	
12	Я расстраиваюсь, когда другой не получает то, что он честно заработал.	0 1 2 3 4 5	
13	Я не могу выносить спокойно, если кто-то использует других.	0 1 2 3 4 5	
14	Мне нужно много времени, чтобы забыть, что кто-то должен исправлять результаты чужой безответственности.	0 1 2 3 4 5	
15	Меня беспокоит, когда у кого-то меньше возможностей, чем у других людей.	0 1 2 3 4 5	
16	Меня огорчает, когда одним незаслуженно везет больше, чем другим.	0 1 2 3 4 5	
17	Мне неприятно, когда кто-то должен в поте лица трудиться ради того, что легко достается другим.	0 1 2 3 4 5	
18	Я долго не могу отделаться от мысли, что к кому-то беспричинно относятся лучше, чем к другим.	0 1 2 3 4 5	
19	Мне тяжело наблюдать, когда кого-то ругают за то, что легко сходит с рук другим.	0 1 2 3 4 5	
20	Меня сердит, когда с кем-то обращаются хуже, чем с другими.	0 1 2 3 4 5	

А теперь обратимся к тем ситуациям, когда **обстоятельства складываются в вашу пользу, но против других**

		совершенно не так	полностью согласен
21	Меня беспокоит, если я получаю что-то, что должно принадлежать другим.	0 1 2 3 4 5	
22	Я плохо себя чувствую, если получаю то, что честно заработал другой человек.	0 1 2 3 4 5	
23	Я не могу выносить спокойно, если использую других людей.	0 1 2 3 4 5	
24	Мне нужно много времени, чтобы забыть, что мою нерадивость должны исправлять другие люди.	0 1 2 3 4 5	
25	Меня беспокоит, когда у меня больше возможностей по сравнению с другими людьми.	0 1 2 3 4 5	
26	Я чувствую себя виноватым, если мне везет больше без каких бы то ни было причин.	0 1 2 3 4 5	

27	Меня мучает, когда ради того, что легко достается мне, другие должны трудиться в поте лица.	0	1	2	3	4	5
28	Я долго не могу отделаться от мысли, что ко мне беспричинно относятся лучше, чем к другим.	0	1	2	3	4	5
29	Мне тяжело, если я замечаю, что мне прощают то, за что критикуют других.	0	1	2	3	4	5
30	Меня сердит, когда со мной обращаются лучше, чем с другими.	0	1	2	3	4	5

Наконец, обратимся к ситуациям, в которых **вы поступили с кем-то несправедливо, унизили или использовали кого-то**

		совершенно не так	полностью согласен				
31	Я плохо себя чувствую, если получаю от другого что-то, чего я не заслужил.	0	1	2	3	4	5
32	Я плохо себя чувствую, если лишаю кого-то признания, которое он или она заслужили.	0	1	2	3	4	5
33	Я не могу выносить спокойно, если кого-то использую.	0	1	2	3	4	5
34	Мне нужно много времени, чтобы забыть, что моя нерадивость причинила кому-то вред.	0	1	2	3	4	5
35	Меня беспокоит, когда я лишаю кого-то возможностей развития.	0	1	2	3	4	5
36	Я чувствую себя виноватым, если обогащаюсь за счет другого.	0	1	2	3	4	5
37	Меня мучает, если я легко получаю то, ради чего другие должны трудиться в поте лица.	0	1	2	3	4	5
38	Я долго не могу отделаться от мысли, что обошелся (обошлась) с кем-то хуже, чем с другими людьми.	0	1	2	3	4	5
39	Мне тяжело, если я замечаю, что ругаю кого-то за то, что легко принимаю у других людей.	0	1	2	3	4	5
40	Я чувствую себя виноватым (той), если с кем-то обращаюсь хуже, чем с другими.	0	1	2	3	4	5

Ключи к шкалам опросника “Чувствительность к справедливости”⁴

$$\text{ЧС}_{\text{жертв}} = \sum(\text{чс}_{\text{жертв}} 1,10); \text{ЧС}_{\text{свид}} = \sum(\text{чс}_{\text{свид}} 11,20); \text{ЧС}_{\text{бенеф}} = \sum(\text{чс}_{\text{бенеф}} 21,30); \text{ЧС}_{\text{наруш}} = \sum(\text{чс}_{\text{наруш}} 31,40)$$

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

Связь чувствительности к справедливости с Большой пятеркой, верой в справедливый мир и базисными убеждениями

	<i>M</i>	<i>SD</i>	ЧС _{жертв}	ЧС _{свид}	ЧС _{бенеф}	ЧС _{наруш}
Маркеры факторов Большой пятерки (N = 268)						
Экстраверсия	32.92	6.86	-0.055	-0.065	-0.042	-0.107
Уступчивость	35.87	5.50	-0.070	0.164**	0.202**	0.258**
Сознательность	31.02	6.27	-0.035	0.078	0.080	0.119*
Эмоциональная стабильность	32.46	3.45	-0.381**	-0.259**	-0.144*	-0.155**
Интеллект	35.81	4.28	-0.002	0.033	-0.026	0.064
Шкалы веры в справедливый мир (N = 1002)						
ВСМ _{личн}	4.25	0.86	-0.184**	-0.149**	-0.048	0.016
ВСМ _{общ}	3.54	0.93	-0.164**	-0.074*	0.001	0.013
Шкала базисных убеждений (N = 268)						
Образ Я	31.95	8.49	-0.048	-0.057	-0.066	0.042
Доброжелательность мира	21.70	5.28	-0.059	-0.1	-0.199**	-0.077
Справедливость	28.37	6.45	-0.220**	-0.112	-0.105	0.006
Удача	33.34	6.42	-0.223**	-0.062	0.088	0.012
Контроль	27.78	5.06	-0.160**	-0.035	0.068	0.081
Модель моральных мотиваций (N = 268)						
Помощь	5.13	0.95	0.149*	0.512**	0.352**	0.426**
Непричинение вреда	4.90	1.04	0.074	0.467**	0.458**	0.537**
Социальная справедливость	4.20	1.08	0.047	0.340**	0.291**	0.278**
Социальный порядок	4.19	0.99	0.180**	0.252**	0.136*	0.147*
Усердие	5.13	0.85	0.094	0.124*	0.013	0.129*
Самоограничение	4.57	1.19	0.099	0.313**	.302**	0.340**

Примечание: ** — $p < 0.01$, * — $p < 0.05$.

⁴ При желании получить электронные ключи к опроснику, пожалуйста, обращайтесь к авторам.